

ЕДИНСТВЕННОЕ
ПРАВИЛО ЭТОГО
КЛУБА –
НИКАКИХ ПРАВИЛ.

КЛУБЪ

ТАКИС ВЮРГЕР

Такис Вюргер
Клуб

«РИПОЛ Классик»

2017

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)6-44

Вюргер Т.

Клуб / Т. Вюргер — «РИПОЛ Классик», 2017

ISBN 978-5-386-13668-0

Единственное правило этого Клуба – никаких правил. Но он еще не знает об этом. Его новое имя – Ханс Штихлер. Основная цель прибытия в Кембридж – вступление в Клуб. Он отвечает всем требованиям, кроме одного – у него есть свои собственные правила, которые он не готов нарушить. Высший свет открывает перед ним двери, за которыми прячутся не только богатство и слава, но и нечто такое, к чему Ханс был не готов...

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)6-44

ISBN 978-5-386-13668-0

© Вюргер Т., 2017
© РИПОЛ Классик, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Такис Вюргер

Клуб

© Kein & Aber AG Zurich-Berlin. All rights reserved, 2017

© Черепанова Н. Г., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2020

* * *

Посвящается Мили

Ханс

На юге земли Нижняя Саксония, в лесу на Дейстере, стоял дом, построенный из песка-ника. В свое время он принадлежал лесничему, но позже, благодаря череде случайностей, а также кредиту банка, дом перешел во владение одной супружеской пары. Семья переехала сюда с одной целью – чтобы жена могла спокойно умереть.

У нее был рак – десятки маленьких опухолей оккупировали ее легкие, словно кто-то целенаправленно выстрелил ими из обреза. Рак был уже неоперабельным, и врачи не могли точно сказать, сколько времени ей осталось жить. Поэтому супруг уволился с должности архитектора и проводил все свое время с женой. Когда она забеременела, онколог посоветовал им избавиться от ребенка. Однако гинеколог уверил их, что даже с раком легких можно родить. Женщина родила маленького, худенького малыша с хрупкими ручками и ножками и густыми черными волосами. Мужчина и женщина посадили за домом вишневое дерево и назвали своего сына Хансом. Этим сыном был я.

Мои самые ранние воспоминания – босоногая мама бежит мне навстречу через весь сад. На ней желтое платье изо льна, а на шее – цепочка из красного золота.

Когда я думаю об этих первых годах своей жизни, то в моей памяти всегда всплывает конец лета. И еще такое ощущение, что мои родители постоянно что-то праздновали, выпивая при этом пиво из коричневых бутылок, в то время как мы, дети, пили лимонад под названием *SchwipSchwap*. В такие вечера я смотрел, как другие ребята играли в догонялки, и чувствовал себя почти что нормальным пацаном. Мне казалось, что в эти минуты тень с лица моей мамы исчезала. Хотя, возможно, дело было всего лишь в том, что его освещал свет от костра.

Чаще всего я наблюдал за остальными из дальнего угла сада, где паслась наша лошадь. Мне хотелось защищать ее. Она боялась чужаков и не любила, когда ее гладили. Это была английская чистокровная лошадь, бывшая когда-то беговой. Моя мама выкупила ее у забойщика скота. При виде седла лошадь всегда выгибала спину. Когда я был маленьким, мама просто сажала меня ей на спину. Позже я скакал на лошади через лес, сжимая бедра и удерживая себя таким образом. По ночам, выглядывая из своей комнаты в сад, я слышал, как мама разговаривала с ней.

Моя мама знала все травы в лесу. Когда у меня болело горло, она готовила мне сироп из меда, тимьяна и лука, и боль тут же исчезала. Как-то я сказал ей, что очень боюсь темноты. Тогда она взяла меня за руку, и ночью мы отправились в лес. Мама сказала, что не сможет жить спокойно, зная, что я боюсь, и это немного беспокоило меня, потому что я довольно часто чего-нибудь боялся. На дороге, идущей по гребню холма, светлячки спрыгивали с веток и садились на руки моей мамы.

Каждый вечер сквозь стены своей детской я слышал, как она кашляла. Это помогало мне уснуть. Родители сказали мне, что рак прекратил разрастаться, потому что облучение, которое прописали маме после моего рождения, помогло ей. Я запомнил слово «ремиссия», хотя и не понимал, что оно означает. Но по тому, как мама выглядела, произнося это слово, я понял, что это что-то хорошее. Она сказала, что все равно умрет, но никто не знал когда. А я верил в то, что мама будет жить, пока я не буду ничего бояться.

Я никогда не играл. Все свое время занимался тем, что наблюдал. После обеда я обычно шел в лес и смотрел на то, как ветер шевелил листья. Иногда садился рядом со своим отцом на верстак и наблюдал, вдыхая запах свежей стружки, как он вытачивал что-нибудь из дуба на своем токарном станке. Я обнимал свою маму, когда она готовила мармелад из белой смородины, и, прижавшись к ее спине, прислушивался к ее кашлю.

В школу я ходил неохотно. Я довольно быстро выучил алфавит, и мне нравилось считать, потому что цифры казались мне чем-то таинственным, а вот петь или мастерить цветы из картона давалось мне нелегко.

Когда на уроках немецкого мы начали писать разные истории, я понял, что школа может мне помочь. Я писал тексты, повествующие о лесе и о том, как мама посещала своего врача. Эти истории немного сблизили меня с окружающим миром, они позволили мне упорядочить хаос вокруг меня. На карманные деньги я купил дневник, в который каждый вечер записывал свои наблюдения. Я не знаю, был ли я ботаном. Но даже если и так, мне было все равно.

В школе существовало несколько разных групп: девочки, футболисты, гитаристы, российский немцы, парни, живущие в красивых белых домах на окраине леса. Мне не нравились игры с мячом, я не играл ни на одном музыкальном инструменте, не жил в одном из белых домов и не говорил на русском языке. На перемене девочки подходили ко мне, и когда мальчики из моего класса видели это, они смеялись надо мной. Поэтому часто во время перемен я предпочитал прятаться за аквариумом, чтобы побыть в одиночестве.

На мой восьмой день рождения мама попросила родителей ребят привести их к нам в гости. Я робко сидел перед мраморным кексом, волновался и спрашивал сам себя, могут ли эти дети стать моими друзьями. После обеда мы играли в прятки. Я убежал в лес и забрался на каштановое дерево. Я был уверен, что уж там-то меня точно никто не найдет, и очень радовался этому. На дереве я просидел целый день и только к вечеру вернулся домой. Я был очень горд, что никто не смог меня отыскать, и поинтересовался у своих родителей, куда подевались все гости. Мама ответила, что мой тайник оказался слишком хорош, и взяла меня на руки. Мой тайник будет слишком хорошим всю мою оставшуюся жизнь.

Когда мне было десять лет, парни на перемене часто играли в игру с мячом, которую выдумали сами. Она была настолько грубой и тупой, что выдумать ее могли только либо умышленные, либо дети. Задача состояла в том, чтобы пронести мяч на другую половину поля, при этом разрешено было всеми возможными способами мешать игрокам команды противника сделать это. Однажды, накануне больших каникул, один из парней заболел свинкой и остался дома. Ребятам нужен был новый игрок, и они попросили меня сыграть вместе с ними. Одна только мысль об этом повергла меня в панику, потому что дети, играя, сильно потели, а я не любил запах чужого пота. Кроме того, я не умел ловить мячи. Я отказался, но они сказали, что иначе просто не смогут играть. Пару минут я бегал по траве туда-сюда и радовался, что мне удавалось избегать мяча и не брать его в руки. Тогда один из моих одноклассников заорал на меня, сказал, что мне стоило бы поднапрячься, а иначе все проиграют по моей вине. Вскоре на меня с мячом в руках уже летел игрок команды соперника, парень из восьмого класса. Он был намного сильнее меня. Я всегда был невысокого роста, а этот восьмиклассник играл в сборной

страны по регби и теперь мчался прямо на меня. Я попытался быстро сообразить, где могло быть слабое место у этого несущегося на меня тела, и всем своим весом прыгнул на его правое колено, разбив ему коленную чашечку. Я опустился перед мальчиком на колени и сказал, что мне очень жаль, что так получилось. Он конечно же не услышал моих извинений, потому что громко кричал от боли. Позже его увезли на машине «Скорой помощи», а его друзья хотели меня избить, так что я убежал оттуда, вскарабкался на тополь и спрятался в его тонких ветвях. Я никогда не боялся упасть. Внизу, под деревом, собрались дети и стали бросать в меня куски глины, которые принесли с ближайшего поля.

Когда я вернулся после школы домой, то увидел отца, который стоял у своего верстака и шлифовал какую-то деревяшку. Директор школы уже сообщил ему о случившемся по телефону. Я все время твердил себе, что все не так плохо, что со мной ничего не произошло. Но когда увидел папу и осознал, что нахожусь в безопасности, я начал реветь. Он взял меня на руки и начал соскребать засохшую грязь с моей рубашки.

Мой отец был немного похож на меня, так же много молчал, и я не помню, чтобы он когда-нибудь играл с мячом. В то же время он отличался от меня, потому что громко и долго смеялся, от чего на его лице образовались мелкие морщинки. В тот день за ужином он положил передо мной на стол возле тарелки две черные боксерские перчатки из воловьей кожи. Папа сказал, что чаще всего все в жизни кажется серым, но иногда есть только правильное и неправильное, и когда сильные причиняют боль слабому, то это неправильно. Он сказал, что запишет меня завтра в спортивный клуб. Я взял перчатки и ощутил мягкость их кожи.

В то время к моим родителям приехала мамина сводная сестра из Лондона. Она едва могла говорить на немецком и большинство времени проводила, гуляя в лесу. Мне она нравилась, хотя я почти ничего не понимал из того, о чем она рассказывала. Мама объяснила мне, что у ее сестры эпилепсия и что я должен быть добр к ней. Поэтому я каждый день приносил ей букет из болотных бархатцев, которые срывал у пруда, где плавали утки, и ставил его на стол возле ее кровати. А однажды я сорвал яблоко с чужого дерева возле церкви, размером как два моих кулака, и засунул его ей под подушку.

До восьми лет у меня не было никакой тети. Потом умер мой дедушка, и мама узнала, что у нее есть сводная сестра, которая жила в Англии.

Ее рождение было результатом любовной интрижки, мой дед никогда не признавал ее. Каким-то образом моя мама и моя тетя сблизилась после его смерти, хотя и были очень разными. Начиная с того, что и выглядели они по-разному: мама была высокого роста, с сильными руками – от работы в саду. А тетя была очень изящной, почти хрупкой, немного как я. И еще мне очень нравились ее коротко стриженные волосы. Тогда это казалось мне чем-то восхитительным.

В тот вечер, когда папа положил передо мной на стол боксерские перчатки, моя тетя сидела рядом и спокойно ела свой хлеб. Мне было немного стыдно перед ней, что она увидела мою слабость, и я удивился, что сама она показалась мне совсем не слабой, хотя и была такой маленькой, с небольшой ссадиной на затылке, которую, как казалось, невозможно было вылечить.

По ночам она иногда приходила ко мне в комнату и садилась на пол возле моей кровати. Сейчас, если мне не спится, я часто смотрю на пол возле кровати, и когда быстро мотаю головой из стороны в сторону, то на мгновение у меня создается ощущение, что она все еще сидит там, на полу.

В этот вечер она очень долго сидела на полу и смотрела на меня. Мне даже стало немного страшно, потому что выглядело это немного странно. Тетя взяла мою руку и крепко сжала ее своими маленькими, как у девочки, руками.

Она заговорила со мной на немецком, и это было намного лучше, чем я ожидал. Она, правда, путала ударение в словах, но я не смеялся над этим, хотя звучало смешно.

– Когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, у меня было все точно так же, – сказала она.

– Почему?

– Потому что у меня не было отца.

– Это единственная причина?

– Тогда да, – сказала она.

Мы сидели так долго, я представлял себе, какой тяжелой должна быть жизнь без отца, и гладил большим пальцем по тыльной стороне руки тети.

– А другие причиняли тебе боль? – спросил я.

Она громко вздохнула, крепче сжала мою руку и произнесла фразу, которую я до сих пор ни разу не слышал: «Если они еще раз до тебя дотронутся, зови меня, и я убью их».

Алекс

Он был таким наивным. У него были такие завораживающие, мягкие глаза, словно он постоянно был чем-то озабочен, а в его глазах точно скрывалась чужая, черная галактика. Я никогда не забуду его лица этой ночью. Ханс не знает, но тогда он стал одной из немногих причин, почему я осталась в живых в то время.

В один из дней, когда не было солнца, я увидела его сидящим на траве в саду и присела рядом с ним.

– Как дела? – спросила я.

Его черные волосы были густыми, как шерсть животного. Он сидел рядом со мной, и я чувствовала в нем ту же тяжесть, которая день и ночь беспокоила меня и не давала мне уснуть.

– Мне грустно, тетя Алекс, – сказал он.

Мне хотелось обнять его, но я не решилась это сделать. Я долгое время думала, что если буду слишком близко подходить к людям, то мои злые мысли могут заразить их, как испанский грипп.

Ханс был как вода в лесу, мягкий и спокойный. Мне следовало присматривать за ним. Моя сестра не могла этого делать, так как воспитывала его слишком нежно. Но что толку от ее поцелуев, которыми она стирала с его щек слезы, если его собирались побить в школе?

Иногда я подглядывала за тем, как он занимается боксом на тренировках, стоя за дверью спортивного зала и наблюдая за ним через желтоватое стекло. Я никогда не хотела иметь детей, да это и не получилось бы, и все же было трогательно смотреть на то, как этот мальчик двигается между качающимися боксерскими мешками, как он собирается с силами, чтобы ударить по ним. Он смог бы защитить себя, если бы кто-нибудь показал ему, как это делать.

Ханс

Вечерний свет опустился на зал, боксерские груши на цепях свисали с потолка. После тренировки я сидел в машине, от меня шел пар. Папа смотрел на меня, мы молча сидели рядом. Я видел, что он счастлив, по крайней мере, так мне тогда казалось.

Папа возил меня на тренировки четыре раза в неделю и всегда наблюдал за мной. Потом мама жарила для нас картофель с луком и подавала его с солеными огурцами. Она называла это крестьянским завтраком. Будучи взрослым, я пару раз готовил его, но он отличался по вкусу от маминого.

Спустя несколько недель мальчики в школе хотели снова избить меня. Я было опять побежал от них, но на этот раз немного подумал и ос тановился. Я обернулся и поднял кулаки

так, как показывал мне мой тренер по боксу: правую у подбородка, а левую на уровне глаз перед лицом. Никто не посмел на меня напасть.

Я тренировался до боли в костяшках пальцев. Бокс был для меня чем-то особым по сравнению с другими видами спорта, потому что никто не ожидал, что я буду радоваться, что могу этим заниматься. Я мог оставаться один на один со своей болью, своей силой, своим страхом. Боксируя, мог приближаться к другим спортсменам, как никогда близко. Когда мы отрабатывали умение наносить удары в ближнем бою, я улавливал запах их пота и чувствовал жар, исходящий от их тел. Это раздражало меня, поначалу мне часто становилось плохо, но постепенно я привык к этому. Когда сегодня я вспоминаю то время, то думаю, что стал терпеть других людей тогда, когда начал их бить. Больше всего мне нравилось боксировать на расстоянии вытянутой руки, удерживая соперника на дистанции.

В тринадцать лет у меня состоялся первый поединок, который я проиграл по очкам. Это еще помню, но вот вспомнить своего соперника уже не могу. Папа сидел возле ринга. В машине он поцеловал мои пальцы и сказал, что никогда еще не был так горд. Вот этот момент я помню отчетливо.

Когда мне было пятнадцать лет, в ноябре мы поехали на турнир в Бранденбург. По дороге недалеко от Берлина, на мосту через реку Хафель, мы наехали на образовавшуюся на поверхности наледь. Машину развернуло на повороте, и она соскользнула на дорожный отбойник. Папа вышел и отправился по встречной полосе, чтобы предотвратить наезд на машину, в которой сидел его сын. Я был очень испуган и остался сидеть на месте рядом с водительским сиденьем. В зеркале заднего вида я увидел цементовоз, на защитном стекле которого была приклеена мерцающая наклейка с надписью «Ханзи». Машина врезалась в моего отца капотом радиатора и разрежала его напополам. Цементовоз получил повреждение кузова на крышке капота. Похороны я не помню, впрочем, как и последовавшие за ними месяцы.

Спустя полгода я нашел маму лежавшей в саду. Она вышла на улицу, потому что я попросил ее вечером посыпать яичницу зеленым луком. Она очень медленно двигалась, уголки ее глаз блестели, рядом с ней лежала маленькая коробочка со свежесрезанным зеленым луком, за которым она ходила специально для меня. Она смотрела на меня. И была очень красивой.

Я позвонил в «скорую», после чего сел возле мамы на траву и стал прислушиваться, как со временем хрипы в ее легких становились все тише и тише. Она все еще крепко сжимала мою руку, когда ее дыхание остановилось. Вскрытие показало, что она умерла от укуса пчелы, чей яд вызвал анафилактический шок.

Гроб был изготовлен из вишневого дерева. Папа сделал его давно по просьбе мамы, украсив его резными цветами. С помощью небольшой лопатки люди, пришедшие на похороны, бросали на гроб горсти земли. Мамина сводная сестра, одетая в белое платье, захватила землю рукой, прежде чем бросить ее в могилу. Это впечатлило меня, и я вспомнил о том, как мама, работая в саду, вставала на колени и собирала клубнику. И тогда я тоже взял горсть земли рукой, а не лопаткой.

Мой папа умер, потому что я хотел принять участие в боксерском поединке в Бранденбурге. Моя мама умерла, потому что мне захотелось посыпать свою яичницу зеленым луком. Несколько дней после похорон я все ждал, что проснусь, что это был всего лишь кошмарный сон, а когда этого не произошло, меня накрыла такая чернота, что я до сих пор удивляюсь, как пережил ее.

После похорон тетя говорила со мной на английском, она плакала, и ее левое веко дергалось при каждом слове. Я не понимал ее. И не мог плакать. Я хотел орать, хотя никогда в жизни не делал этого.

В церкви за алтарем висел крест. Распятый Иисус взирал на всех равнодушным взглядом. Я снял свой пиджак и со всей силы бил кулаками по церковной стене до тех пор, пока не сломал пястную кость на уровне мизинца.

Алекс

Гойя потерял слух в начале 1792 года, лихорадка так сильно повлияла на его здоровье, что он оглох. Он переехал жить в виллу за Мадридом, где написал четырнадцать картин на стенах столовой и гостиной. Гойя никак не назвал свои творения. Поэтому предполагается, что он писал их исключительно для себя. Они известны как *Pinturas negras* – «Мрачные картины». Мне кажется, что это прекрасное название.

Темные, раздражающие произведения, полные насилия, ненависти и безумия. Они гениальны, но любоваться ими очень тяжело. На одной из фресок изображен бог Сатурн, пожирающий своего сына, потому что один оракул предсказал ему, что один из его сыновей его свергнет. Некоторые говорят, что Гойя сошел с ума из-за своей глухоты. В глазах бога на картине – безумие.

Интересно, является ли то, что я чувствую, как картины разговаривают со мной, частью моей болезни? Или такое происходит и с другими людьми?

Когда умерла моя сестра, я уже была во власти безумия. Мне легко признаться в этом, потому что это многое объясняет. Врачи называли это по-другому, они говорили о диссоциации и травме, но я знала, что боролась с безумием. Я должна была победить эту болезнь сама. Если бы я забрала Ханса к себе, то уничтожила бы нас обоих. Он уже заразился темными мыслями. Я знала, каково это – вырасти без семьи, и не смогла бы стать для него здоровой семьей. В интернате он чувствовал бы себя спокойнее.

Фреска Гойи с Сатурном была вырезана из стены и переведена на холст. В настоящее время картина находится в музее Прадо. Все восхищаются глазами Бога, но не они являются решающим фактором. Решающим является место на картине, поверх которого был нанесен еще один слой краски, потому что оно слишком смущало людей. Я внимательно рассмотрела картину. За темной поверхностью над нижней частью живота Бога видно, что Гойя написал его с эрегированным членом.

Я просто увлекла бы парня в пропасть вслед за собой. Я не была к этому готова. Я была не я.

Ханс

Нашу лошадь увезли. А я попал в интернат. Тетя стала моим опекуном, и я думал, что она заберет меня к себе, но она не сделала этого. Я не решался спросить, почему она приняла такое решение. Тетя продала дом в лесу и на полученные деньги оплатила школу иезуитов. В рекламном проспекте интерната было написано: «Порядочность и порядок в повседневной жизни, а также уважение и готовность помочь другим людям очень важны, чтобы обеспечить каждому отдельно взятому ученику организованную жизнь в школе-интернате, ориентированную на учебу и достижение успехов». И это предложение беспокоило меня.

В моем чемодане лежали пять пар брюк и пять рубашек, нижнее белье, носки, шерстяной пуловер моего папы, цепочка моей мамы, шапка, веточка вишневого дерева, мой коричневый нелинованный дневник и пара черных боксерских перчаток из воловьей кожи.

Колледж Иоханнеса был расположен на склонах Баварского леса и казался мне рыцарским замком, с башенками и зубцами на стенах. Он на протяжении нескольких столетий служил пристанищем для иезуитов, а во время Второй мировой войны там встречались члены группы немецкого Сопротивления «Кружок Крейзау», чтобы спланировать убийство Гитлера.

Когда я впервые увидел интернат, солнце светило сквозь ели, а ветер с юга нес в страну тепло Италии. Казалось бы, все говорило о правильности принятого тетей решения. Но мне все это показалось лишь попыткой ввести меня в заблуждение.

В свой первый день в интернате я сидел в комнате ректора. Он был приветливым молодым человеком, мы расположились за столом, покрытым льняной скатертью. Я ухватился за ее край и думал о желтом платье моей мамы.

Ректор сказал, что прекрасно понимает, что мне нужно какое-то время для того, чтобы привыкнуть к новой обстановке. Но я был уверен, что он ничего не понимал. На лбу у него была родинка, и он все время улыбался без повода. Мне стало интересно, почему он все время делал какие-то записи.

Каждый ученик в колледже Иоханнеса должен был в понедельник утром сдавать мочу, чтобы ее исследовали на содержание наркотиков. Ученики были либо сыновьями богатых бизнесменов, либо юношами, которые в свое время принимали столько наркотиков, что их родители решили, что только монахи могут справиться с ними.

В замке жили двенадцать монахов, одиннадцать из них были преподавателями, один готовил еду. Его звали отец Геральд, и родом он был из Судана. Мне он нравился, потому что был другим и потому что у него на лице была печальная улыбка. Отец Геральд говорил мало, а если говорил, то на английском языке. Его голос был глубоким и чужим. Все, что он готовил, было слишком мягким.

В первый день своего пребывания в интернате я пошел в уборную и посмотрел на умывальники, висевшие рядом друг с другом на стене. Я посчитал – их было сорок. Кажется, все здесь жили одинаково. Ночью пара учеников обкидали меня скомканными листами бумаги, которые они разжевали в маленькие пульки. Я сделал вид, что не заметил этого. Позже они украли у меня подушку. Спустя пару недель парень старше меня дал мне подзатыльник, когда я стоял в очереди в столовой. Я почувствовал, как покраснели мои уши, и усмехнулся, потому что не знал, что мне сделать. Затылок немного побаливал. Парень стоял за мной и громко спросил меня, не скучаю ли я по маме, потому что скулю во сне. Я развернулся и атаковал парня боковым ударом в лицо. Раздался звук, как будто открыли банку с вареньем.

Отец Геральд стал свидетелем этой стычки и схватил меня за руку. Я думал, что меня исключат из школы, и обрадовался, потому что надеялся, что смогу наконец переехать к своей тете в Англию. Я не был в курсе того, что интернат очень нуждался в деньгах, потому что пара монахов в надежде на прибыль вложили средства в исландские высокотехнологичные компании, но потеряли большую сумму активов фонда. Кроме того, парень, которого я ударил, был местным возмутителем спокойствия. И то, что он попал в лазарет на какое-то время, на самом деле только обрадовало руководителя интерната. В качестве наказания он послал меня в винный погреб, чтобы навести там порядок.

После той драки остальные дети стали избегать меня. Я предлагал им списывать задачи, спросил однажды, не хочет ли кто-нибудь поиграть со мной в прятки в лесу: на это я настроивал себя несколько дней. Я не собирался в этот раз убегать слишком далеко, но детям это было неинтересно. Они заявили, что играть в прятки это слишком уж по-детски. Я думал, что, возможно, мне стоит больше рассказать ребятам о себе. Поэтому я рассказал о том, что, по моим ощущениям, апельсины по вкусу напоминают приключения и что мягкие волосы девочек на затылке иногда похожи на сахарную вату. Но дети только высмеяли меня.

Один из монахов сказал мне, что я просто должен игнорировать то, что я беднее, чем другие ученики, и дал мне Библию с шелковой закладкой на странице Ветхого Завета Иова: *Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!* Я взобрался на колокольню и выбросил книгу в Баварский лес.

Я не сошел с ума, потому что большинство времени проводил наедине с самим собой. Я читал, гулял по лесу и учился распознавать голоса птиц. И, в общем, достаточно преуспел в этом.

Однажды, уже после того, как на уроке религии мы снова прочитали первую книгу Моисея, я подумал о том, кто вошел бы в ту сотню людей, кого я спас бы, если бы мир оказался под угрозой. Сто имен я так и не смог придумать, но лодку свою все же наполнил людьми, достойными, с моей точки зрения, попасть в Ковчег. Это была большая семья отца Геральда. Но все же не эта мысль занимала меня больше всего. На самом деле я беспокоился из-за того, что никто не взял бы меня в свой Ковчег. И эта мысль наполняла меня печалью.

Я очень скучал по своим родителям, по нашему дому, по запаху старых половиц, по мебели, которую сделал мой отец, по каждому уголку прохладных стен, с которыми были связаны воспоминания моего детства. Мои ощущения были похожи на чувство голода, которое я испытывал, когда не мог есть перед одним из своих боксерских поединков, чтобы сбросить два килограмма для достижения веса, подходящего к моей весовой категории. Я голодал и ощущал в своем животе своего рода дыру. Одиночество было для меня той самой дырой, которую я чувствовал во всем теле, словно от меня как от человека осталась одна только оболочка.

Моя тетя поначалу писала мне один раз в месяц письмо на английском языке, в котором сообщала прежде всего о том, что происходило в ее университете в Англии. Я в ответ писал ей длинные письма о подозрительных звуках в спальнях, о других ребятах и о том, что мне снился мой папа, у которого не было лица, но она никогда на это не реагировала.

Винный погреб, который в качестве наказания мне нужно было переоборудовать после драки в столовой, был прохладным и вытянутым в длину. Я время от времени взмахивал кулаками, нанося в воздухе удары воображаемому противнику. Я не спрашивал, можно ли мне в интернате продолжить занятия боксом. Боксерские перчатки лежали в чемодане, стоявшем под моей кроватью. Я снял рубашку и продолжил боксировать воздух до тех пор, пока по моим кулакам не побежал пот, капая при каждом ударе на бутылки вокруг. Вдруг в темноте я заметил какую-то тень.

– Your left is too low.

Я посмотрел на монаха. Ну все, подумал я, сейчас он будет злиться. Отец Геральд в своей черной мантии был почти невидим в темноте винного погреба.

– You drop your left¹, – произнес монах. Он поднял свою правую ладонь, словно это была подушка для отработки ударов.

Я увидел, как он при этом поставил свои ноги, и понял, что отец Геральд был боксером. Я немного помедлил, затем вытянул левую руку и коснулся его розовой ладони своим кулаком. Мне всегда было интересно, почему у темнокожих людей ладошки розового цвета.

Отец Геральд сделал шаг назад и поднял обе руки. Я ударил левой, затем правой. Отец сымитировал хук, я уклонился. От комбинации к комбинации скорость ударов увеличивалась. Звук от соприкосновений кулаков с ладонями эхом раздавался по всему винному погребу. Это был ритм языка, на котором мы могли разговаривать без слов. Отец Геральд позволил мне в конце нашей импровизированной тренировки нанести три сильных удара правой. Его лицо исказилось от боли, но он сразу же улыбнулся:

¹ Ты опускаешь свою левую (англ.).

– Я Геральд.

– Ханс. – За все время, проведенное в интернате, я впервые заговорил добровольно. – Thank you², – сказал я.

На следующий день я положил свои боксерские перчатки в рюкзак и взял их с собой в винный погреб. Отец Геральд принес с собой небольшие крепкие диванные подушки, в которых он с помощью разделочного ножа сделал дырки, чтобы в них могли влезть его руки. Это были самые мягкие подушки для отработки ударов, в которые я когда-либо бил.

– Let's go³, – сказал отец Геральд.

Ханс

Месяцы в интернате пролетели незаметно. Если я был не в винном погребе, то предпочитал сидеть возле церковного колокола на колокольне, потому что только там я мог спокойно почитать. Иногда я смотрел на окраину леса и мечтал о том, как смогу начать там лучшую жизнь после окончания школы. Каждый час монах внизу тянул веревку, и колокол звенел так, что я зажимал уши.

Вскоре я получил письмо с двумя марками лилового цвета, наклеенными на конверт, с профилем королевы Елизаветы II. Мое имя было написано мелким, круглым шрифтом на лицевой стороне, и я сразу узнал почерк моей тети. Ее письма были не такими сердечными, как хотелось, но я все равно был рад получать их, потому что это были единственные письма, которые я вообще получал.

В начале моего пребывания в интернате я пару раз проводил свои каникулы у Алекс, но она все время работала и много плакала, когда по вечерам мы сидели вдвоем за столом и пили теплое пиво. Она каждый день ставила на стол пиво, как будто это было в порядке вещей, а когда плакала, то постоянно извинялась передо мной.

После этого я больше не ездил к ней и на все праздники оставался у монахов. В интернате была библиотека с книгами на немецком языке, кроме того, я тренировался с отцом Геральдом. Это было немного, но все лучше, чем тетя. С ней у меня возникало чувство, что я самый одинокий человек на земле.

Письмо, которое я получил, было кратким. Оно было написано на английском языке на светло-коричневой бумаге.

Дорогой Ханс,

я долго не писала тебе, знаю. Но надеюсь, что ты счастлив. И я хотела бы пригласить тебя к себе в Кембридж. Скорее всего, ты сможешь помочь мне в одном деле. Поездка за счет колледжа Св. Джона.

С наилучшими пожеланиями, Алекс

Я снова и снова перечитывал письмо и все время застревал на одном предложении: *скорее всего, ты сможешь помочь мне в одном деле.* Я не обладал какими-то особыми способностями, с помощью которых мог бы помочь другим людям. Возможно, я умел внимательно слушать, потому что по большей части молчал. Отец Геральд назвал меня талантливым боксером, но я так давно уже не боролся на ринге. Мои оценки в школе были хорошими, но это, прежде всего, благодаря моему прилежанию. Я учился потому, что мне больше нравилось проводить время

² Спасибо (англ.).

³ Начнем (англ.).

наедине с книгами. Моим единственным другом был монах из Судана, но он был почти вдвое старше меня, поэтому не мог считаться настоящим другом – так я считал в то время.

Едва ли кто-то стал бы скучать по мне, если бы я спрыгнул с колокольни. А самым странным во всем этом было то, что я никогда и не чувствовал потребности с нее спрыгнуть. Просто мне нужен был друг, с которым я мог бы выпить пива.

Я вспомнил ее белое платье. Мы с тетей никогда не вели долгих разговоров. С тех пор как она ночью сидела на полу возле моей кровати в детской, я понял, что она особенная.

После смерти моей мамы я всего лишь однажды загуглил имя тети в Интернете. На странице одного фонда для неблагополучных детей, с которым она сотрудничала, я прочитал ее биографию. Запомнил большинство вещей: Александра Бирк, родилась в Сток-он-Тренте в Северной Англии, изучала историю искусств в Кембридже, защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора философии где-то в Нью-Йорке, в возрасте 28 лет стала профессором в Кембридже. В статье я также прочитал, что в пятнадцать лет тетя заняла второе место в национальном конкурсе художников. Тогда же она впервые переступила порог музея, потому что церемония вручения призов проходила именно там. Тетя являлась экспертом по западно-европейскому искусству, а в свободное время принимала участие в беге на сверхмарафонские дистанции, свыше 42 километров.

В тот вечер, когда я получил письмо, я взял с собой на колокольню одеяло и подумал о том, как часто мечтал, чтобы моя тетя проехала бы вверх по одной из серпантинных дорог в наш интернат, забрала бы меня с собой, обняла бы меня так, как делали родители учеников школы, когда начинались летние каникулы. Она забрала бы меня из интерната и взяла бы с собой в какое-нибудь приключение.

Наверху, на колокольне, я вспомнил ее суровое, узкое, худое лицо. Алекс Бирк никогда не обнимала меня, даже после похорон моей мамы.

Ночь была холодной, а ветер дул так, что медный колокол тихо гудел.

Двумя неделями позже я сидел в офисе во дворике часовни колледжа Св. Джона и смотрел мимо Алекса на картину, висевшую позади нее на стене. В тот момент меня беспокоил вопрос: темнеют ли с годами старые картины или их просто так написали?

Двор перед офисом тети выглядел так, будто булыжники были заложены здесь еще в Средние века, что, вероятно, так и было. Твердые подошвы тысяч студентов на протяжении нескольких веков отполировали края камней, сделав их круглыми. Я около получаса стоял там внизу, прислонившись к стене и наблюдая за студентами. Они выглядели так же, как ученики из моего интерната. Ничего в них не было такого, что объединяло бы их или как-то по-особенному выделяло бы среди остальных людей. Были среди них молодые люди с темной и белой кожей, азиаты, студенты в мягких брюках из хлопка, в коротких юбках, в костюмах, с рюкзаками, с папками, с джутовыми сумками, с книгами в руке. Сначала я думал, что не существует признаков, которые объединяли бы студентов университета в Кембридже, но потом я все-таки заметил, что все – прежде всего мужчины – ходили, чуть выше приподняв свою голову, не так, как я привык. Казалось, что они немного лучше остальных знают, кто они. По крайней мере, для меня это выглядело так.

Офис Алекса было отделан темным деревом, белые полки походили на полки из ИКЕА и были наполнены книгами, которые она так выстроила рядом друг с другом, что они стояли точно у переднего края полки. Каждая полочка, каждый уголок был максимально чист, в этой комнате вообще не было грязи, даже пыли.

Мы протянули друг другу руки, словно чужие люди, а впрочем, мы в какой-то степени таковыми и являлись.

Я уже привык молчать. Алекс посмотрела на меня и ничего не сказала, словно искала что-то в моих глазах.

– Здесь... действительно хорошо, – произнес я.

– Многие говорят, что это самый красивый колледж.

– Да, такие... красивые камни.

Мне казалось, что все колледжи выглядели одинаково, были старыми и располагались за толстыми стенами.

Алекс все время смотрела на меня, ни на мгновение не отводя от меня своего взгляда.

– А ты знаешь, кто основал колледж?

– Леди Маргарет Бофорт, – ответил я и обрадовался тому, что знал это. До этого я прогулялся по дворикам колледжа и прочитал эту информацию на одной из скрижалей.

– А знаешь ли ты, каким образом это произошло? – спросила Алекс.

Я покачал головой и посмотрел в окно. Во дворе стояли девушки-азиатки и фотографировали себя на свои планшеты iPad на фоне яблони.

– Леди Маргарет умерла в 1509 году, подавившись голубиной косточкой. Ее друг, епископ Св. Джон Фишер, незадолго до этого попросил ее основать в Кембридже колледж. Фишер был, наверное, или смелым мужчиной, или просто-напросто обманщиком. В любом случае, после смерти леди Маргарет он завладел ее завещанием и дописал черными чернилами, что часть наследства должна быть инвестирована в строительства нового колледжа Св. Джона.

Алекс замолчала на несколько секунд.

– А почему я тебе это рассказываю? – произнесла она.

Я пожал плечами.

– Потому что иногда обман – это средство, с помощью которого можно совершать добро.

Я пошевелил пальцами в ботинках – часто делал так, когда нервничал. Возможно, я что-то неправильно понял. Слово «обман» мне совсем не понравилось.

– Ханс, я хочу, чтобы ты учился здесь. У тебя будет стипендия, я это устрою. За это ты станешь членом одного клуба. Ты, наверное, ни разу о нем еще не слышал. Ты вступишь в клуб Питта.

Она посмотрела на меня в ожидании моей реакции.

– Извини, – сказал я без причины, но Алекс на это не отреагировала.

Девушки-азиатки во дворике фотографировали себя в полете, прыгая вверх. Кнопка съемки на планшете, казалось, срабатывала с опозданием. Девушки прыгали снова и снова.

Алекс продолжила говорить спокойным голосом;

– Ты должен будешь выяснить, что там делают боксеры университета. Ты ведь еще боксируешь... или нет?

– Извини, но я не понял ни слова, – сказал я.

– Я знаю, для тебя это звучит странно. Это клуб для молодых людей здесь в университете, которые считают, что они лучше других.

– Клуб?

– Что-то типа студенческого объединения. Ему уже несколько веков.

– И там сплошь боксеры?

– Нет, не только. Мне кажется, что в этом клубе они образуют нечто вроде союза. Но это только предположение. И если оно подтвердится, это будет что-то. Здесь боксировало очень много важных людей.

– И что тебя смущает?

– Не могу тебе сказать, – произнесла тетя.

– А почему?

– Ты будешь задавать ненужные вопросы в клубе.

– То есть я должен переехать в Англию, а ты не хочешь говорить почему?

– Можно сказать и так, – усмехнулась она.

Я попытался успокоиться, уставившись на картину, висевшую на стене. Не помогло.

– Это сумасшествие, – сказал я.

– Поосторожней с этим словом.

– Почему я должен сюда переезжать? – спросил я.

– Потому что это лучший университет в мире.

– Но это звучит абсолютно как безумие.

– У тебя здесь будет другая фамилия, чтобы никто не догадался, что мы родственники.

Мы всегда так делаем, когда к нам приезжают дети политиков и миллиардеров.

Я улыбнулся, не понимая, почему, но не мог остановиться.

– А о чем вообще речь?

– Речь идет о преступлении, Ханс. Мне нужна твоя помощь, потому что я хочу расследовать одно преступление.

Я долго сидел, не произнося ни слова.

– Преступление, – сказал я тихо.

– В клубе Питта, – произнесла тетя.

– А как же полиция?

– Она не сможет нам помочь.

– Алекс, извини, пожалуйста, это что, какая-то шутка, которую я никак не могу понять?

Тетя выглядела серьезно.

– Я редко шучу.

Я выглянул из окна и увидел, что одна из девушек-азиаток быстро подняла свой пуловер, и в таком виде ее сфотографировали на фоне яблони. У нее были острые груди.

Я потерял мысль.

– Можно мне подумать об этом?

– Конечно.

В этот момент мир вокруг меня перевернулся. Алекс протянула мне руку. На этот раз я даже обрадовался, что мы не обнялись.

Я быстрым шагом пересек комнату. Во двореике поинтересовался у привратника, почему люди фотографируются у этой яблони. Мужчина в котелке сказал мне, что это как будто бы то самое дерево, яблоко с которого упало на голову сидевшему под ним Исааку Ньютону. Но на самом деле настоящее дерево росло в парке и было срублено, когда во время войны людям необходимо было топливо.

Некоторое время я ходил по городу и осматривался, прежде чем направился к вокзалу. Я гулял по дворам колледжей, рассматривая фасады, библиотеки и древние стены. Когда я приезжал сюда в первый раз, Алекс объяснила мне, из чего состояло это место и что университет был образован из независимых колледжей, в которых проживали студенты. Звучало все это слишком сложно для понимания.

Каждый камешек, казалось, считает себя важней всего того, о чем я когда-либо думал и что когда-либо в своей жизни видел. Некоторые колледжи выглядели как маленькие замки, а привратники перед ними были похожи на сторожей. У Королевского колледжа имелась часовня, по размерам похожая на собор. На лугу за ней паслась белая корова. Во дворе колледжа Гонвилл-энд-Киз росли нарциссы, и я прислушался к гиду, которая рассказывала, что все лестницы там были дополнены пандусами, чтобы Стивен Хокинг мог свободно передвигаться. Перед воротами Тринити-колледжа на страже стоял привратник в накидке с фиолетовой подкладкой. Когда я попытался пройти через ворота во внутренний дворик, он преградил

мне дорогу и сказал что-то непонятное. На газоне стояли таблички, напоминающие о том, что входить сюда было запрещено.

Смеркалось, легкий туман расстился над городом, пахло как аппетитное воскресное жаркое, по улицам спешили студенты. До поступления они выглядели по-разному, но теперь почти все носили черные мантии поверх костюмов, шерстяные пуловеры и блузки. Из-за этого они выглядели намного старше своих лет и намного важнее. Они были отчасти похожи на волшебников, входящих в одно сообщество. Эти молодые люди, казалось, устремлялись в одно и то же место. Я последовал за ними и попал в часовню колледжа Св. Джона, большую и могущественную, с разноцветными окнами и куполообразной крышей. Хор начал петь странный хорал высокими голосами. Я заметил, как студенты шептались что-то друг другу на ухо и были счастливы. Никто не чувствовал себя одиноким.

Приземлившись в Мюнхене, я просмотрел свои электронные письма и нашел там сообщение от Алекс. В нем было всего одно предложение, причем без приветствия и обращения: *Художник должен знать, каким образом он может убедить остальных в правдивости своей лжи. – Пабло Пикассо.* Я ничего на это не ответил.

Алекс

Бумагу нужно положить в папку на полке, ноутбук – в ящик стола. На столе не должно остаться совершенно ничего. Во всем должен быть порядок.

Ханс сделает то, о чем я его попросила. Он вырос и стал симпатичным молодым человеком. Он сделает это, даже если сам об этом еще не знает. Я видела его, когда он был еще ребенком, стоял в спортивном зале и искал в себе силы, чтобы ударить. Вот точно так же сегодня он искал в себе мужество. Он придет, я уверена.

Дома я выпила стакан виски и выкурила три сигареты в небольшом садике перед домом, в котором выращивала цветы и немного зелени. Пионы уже почти отцвели. Я закрыла дверь дома на два замка и пошла в комнату, где стояла моя кровать.

Было сложно найти фирму, которая изготавливала роль-ставни, вообще не пропускавшие свет. Пришлось вызывать специалиста из Дублина. Я закрыла дверь спальни и опустила роль-ставни. Вот именно такая темнота должна быть в преисподней, подумала я и медленно выдохнула.

Лежа в кровати, я думала о Шарлотте и о том, существуют ли в этой жизни случайности. Как обычно, я ослабила петлю на правом краю кровати, обвила и затянула ее вокруг своего запястья, чтобы ночью рука не смогла дотянуться до моей шеи.

Ханс

Месяцы, оставшиеся до окончания школы, я провел в библиотеке, где учил так много, что мне часто удавалось забыть про Алекс. Иногда я думал о черных мантиях и о жизни, которая могла бы быть у меня, если бы я переехал в Кембридж. Для сдачи экзаменов я выбрал физику и математику. На выпускном я сидел на одном из последних рядов рядом с отцом Геральдом. Алекс так и не приехала. Я написал ей в одном из своих писем о времени вручения аттестатов и так и не ответил на ее предложение.

Один из учеников спел «*Песню вечерней звезде*» Вагнера и песню Герберта Грёнемайера. Директор школы сидел передо мной, и я видел, как он сделал заметку у себя в блокноте, чтобы не забыть сказать руководителю хора, что подобного рода музыка не совсем подходит для церкви. Когда он произносил речь, то процитировал Евангелие от Марка и упомянул Лотара

Кёнига, иезуита и бывшего ученика колледжа Иоханнеса, который боролся в рядах Сопротивления против национал-социалистов. Директор сказал, что Лотар Кёниг должен стать образцом для всех нас, что он действовал в подполье до конца войны против нацистов. Что ценностями колледжа Иоханнеса являются собственная инициатива и гуманитарное мышление.

В библиотеке интерната была книга, описывающая жизнь всех известных выпускников колледжа. Главу о Лотаре Кёниге я прочитал еще зимой, когда нас занесло снегом. Кёниг планировал застрелить Гитлера выстрелом в затылок из снайперской винтовки на партийном съезде в Берлине, но был предан и сослан в концентрационный лагерь во Флоссенбурге. В 1946 году он умер от туберкулеза.

После окончания церемонии я обнял отца Геральда, взял свой чемодан и пешком ушел из интерната. Остальные ученики моей школы проезжали мимо меня в машинах, в то время как я шел по дорожному серпантину до ближайшей деревни. Я чувствовал себя так, словно у меня в горле ослабевал спазм, который так долго сжимал его, что начал восприниматься как нечто вполне нормальное. В итоге я заплакал. Я не стал вытирать слезы, и мне было наплевать, что мои одноклассники видели, как я реву, и сигналили мне.

Ее машина ехала вверх по улице, это был небольшой арендованный автомобиль, что меня абсолютно не интересовало, потому что главным было то, что она была здесь, чтобы забрать меня к себе. Она, правда, опоздала немного, но один час не имел никакого значения, когда ты ждал этого целых три года.

Алекс была одета в черную кожаную куртку, на шее у нее был шелковый платок. Она притормозила рядом со мной на проселочной дороге и открыла дверь машины со стороны пассажира.

– Поздравляю, дорогой Ханс! – сказала она.

– Ты приехала, – ответил я.

Мы поехали по проселочной дороге. Я не знал, что сказать, наслаждался обоюдным молчанием и испугался, когда Алекс внезапно начала говорить:

– Твоя учеба начинается через пять недель.

– Что?

– Я все уладила.

Я хотел было рассердиться, но вместо этого обрадовался.

– Почему я? – поинтересовался я после того, как понял, что в своем молчании она была лучше меня.

– Я доверяю тебе, – сказала Алекс.

Через какое-то время она добавила:

– Ты даже не представляешь, как ты мне нужен.

Мне было восемнадцать, и последние три года я мечтал о каком-нибудь приключении, которое избавило бы меня от скуки повседневности.

– Я согласен, – произнес я тихо, но отчетливо.

За четыре с половиной недели до начала учебы мы вместе с Алекс улетели в Англию, и я уже в первый день нашего пребывания там пожалел о том, что так рано приехал. В колледже еще никого не было, только докторанты и пара студентов из Пакистана, от которых пахло пряностью карри и которые запускали сделанные своими руками вертолеты во двореике часовни. Мне досталась небольшая комнатка с низким потолком, сквозь окно дул ветер, а камин был замурован.

Алекс до начала моей учебы пришла ко мне в комнату лишь однажды, протянула мне руку и сказала, что знает докторантку, которая могла бы мне помочь, и что я должен встре-

титься с ней в первый четверг на первой учебной неделе в восемь часов вечера на мосту за Тринити-холлом.

– Как ее зовут? – поинтересовался я.

– Она сама тебе скажет, не переживай, – сказала Алекс и ушла.

Чуть позже я написал ей письмо и позвал прогуляться. Пару дней я надеялся, что она проведет мне экскурсию по городу и пригласит на кружечку пива, но сейчас я понял, что это была всего лишь наивная детская надежда. Она ничего не ответила на мое письмо.

В следующий четверг я пришел на встречу с докторанткой на двадцать минут раньше назначенного времени. Я поднялся на пахнувший водорослями мост через реку Кам и прислонился к перилам. От этого на моей куртке остались зеленые следы, но мне было все равно.

На девушке был пуловер с капюшоном и обрезанными рукавами. Я заметил ее сразу, было видно, что она знала, кто я, и уже ждала меня.

Она пару раз прошла мимо меня по мосту. Я смотрел на воду и делал вид, словно не заметил ее, потому что не решался с ней заговорить.

– Ханс?

У нее был мягкий голос. Я обернулся. От нее пахло мылом и чем-то еще, наверное, мятными конфетами. Ее ресницы были длинными, а волосы светлыми. Я подумал, что если бы она сейчас засмеялась, то у нее на щеках появились бы ямочки. Но она не смеялась.

Она была не толстой, а какой-то мягкой, по крайней мере, так она выглядела. Я представил себе, что даже ключицы у нее были мягкими. У нее отсутствовали острые черты лица, встречающиеся часто в британском высшем обществе.

– Давай прогуляемся немного, – предложила она.

Мне было неприятно, что я не знал, кто эта девушка.

Солнце должно было уже вот-вот исчезнуть. Мы шли по переулкам, с двух сторон ограниченным толстыми стенами колледжа. Они были настолько высокими, что даже днем свет в переулках оставался немного тусклым. Девушка вывела нас на дорогу, по которой мы мимо туристов дошли к берегу реки Кам. Я шел за ней и никак не мог оторвать взгляд от ее плеч, когда ее пуловер без рукавов время от времени соскальзывал с них. Ее мускулы выглядели так, словно она привыкла к тяжелой работе.

Когда мы дошли до поля, расположенного за городом, и остались одни, она начала говорить. Звучало так, словно она заучила этот текст наизусть.

– Я могу помочь тебе вступить в клуб Питта, – произнесла она.

Она говорила без остановки, жадно вдыхая воздух в перерыве между словами. Она сказала, что один из членов клуба должен внести мою кандидатуру в список. Он должен вписать мое имя в книгу, которая лежит в холле при входе в клуб, а остальные члены клуба могут проголосовать за меня, поставив свою подпись. В итоге комитет решает, кого следует принять в клуб. Все это меня не интересовало.

Она сказала, что для меня очень важно выглядеть так же, как члены клуба, и посмотрела на мои кеды. И еще я должен был научиться тому, как члены клуба общаются с женщинами. Она пообещала мне организовать приглашение на вечеринку и...

Я остановился:

– Почему у тебя такие плечи?

Она остановилась в паре шагов от меня. Она была немного выше меня. Я впервые посмотрел ей прямо в глаза.

Косметики на лице не было.

– Что?

Я опустил глаза и замолчал.

– То, что я тебе рассказала, гораздо важнее моих плеч. Ты понимаешь? В этом клубе есть преступники, – произнесла она.

– Да, я понимаю.

– Я очень надеюсь на это.

– А что они натворили? – поинтересовался я.

– Алекс считает, что мне не следует говорить тебе об этом.

– А откуда ты вообще знаешь Алекс?

– Она руководит моей кандидатской работой.

– А откуда ты знаешь про этот клуб? Мне казалось, что в нем только мужчины.

Ее губы тоже выглядели мягким. Она немного помолчала.

– Ты задал свои три бесплатных вопроса месяца, – произнесла она.

Я не знал, как мне на это реагировать.

– Это Кингстон, – сказала она, немного помолчав, и указала на черного коня, стоявшего на пастбище вдалеке позади меня.

– Я хочу знать, что я здесь делаю, – сказал я, но девушка ничего мне не ответила и пролезла через балки забора.

– Не бойся, – сказала она.

Мне не понравилось, что она обращается со мной, как с ребенком. И мне не хотелось идти на пастбище, но я последовал за ней, потому что не хотел выглядеть трусом, хотя и был таковым на самом деле. Конь скреб копытами землю. Я остановился в двух метрах от него.

– Он тебя укусит, если ты будешь его бояться, – сказала она и похлопала животное по боку.

Конь прижал уши и подошел ко мне. Я не двигался, пока он обнюхивал мои волосы и руки. После этого я пошел обратно к забору.

– Ты боишься, малыш, ты слишком сильно боишься, – крикнула мне вслед девушка.

Мы шли рядом вдоль реки, ощущая запах сжигаемых сосновых дров, с помощью которых люди топили свои судна для жилья, стоявшие корпус к корпусу на берегу реки Кам. В городе мы увидели башню часовни нашего колледжа, возвышавшуюся над всеми остальными зданиями.

– Тебе понадобится больше мужества, чем сегодня вечером.

Я не ответил. Меня удивило, что она говорила о мужестве. Она выглядела так, словно все это время собиралась заплакать. Но одновременно в ней чувствовалась и решимость. Всегда нелегко узнать что-то по лицу человека, с которым знаком совсем недолго, но эта девушка определенно чего-то боялась. Уж я-то знал, что такое страх.

– Я, наверное, должен поблагодарить тебя за то, что ты мне помогаешь, – сказал я.

Мы одновременно кивнули.

– Спасибо, – произнес я.

Я протянул ей руку и сказал, что охотно прогулялся бы с ней еще немного, повернулся и отправился обратно в сторону загона для лошадей.

– Так как же тебя все-таки зовут? – крикнул я, отойдя на пару метров от девушки.

– Не заблудись, малыш, – ответила она.

Некоторое время я чувствовал, как она смотрела мне вслед.

Решив, что она ушла уже далеко от меня, я перелез через забор загона. Конь подошел ко мне, я одним движением запрыгнул ему на спину. Пару мгновений сидел не шевелясь. Я чувствовал стук сердца животного, которое билось в два раза быстрее моего. На минуту я испугался, что мог позабыть верховую езду, потому что со дня смерти мамы не садился на коня ни разу. Немного прокатившись верхом, я уже не знал, нужно ли мне беспокоиться или быть благодарным, что я оказался в этом месте. Я соскользнул со спины коня.

Мои ноги оставили следы в траве, роса промочила мои кеды. По дороге домой я думал о том, что не знал ее имени.

Шарлотта

Я ощущала внутри себя два виски с содовой, которые выпила в пабе. В саду колледжа я присела на скамью и вдыхала ночной воздух, чтобы снова протрезветь.

После расставания я направилась за этим Хансом. Его прислала мне Алекс, а это означало, что мне не стоило его бояться. Ведь это был всего лишь юноша, максимум лет девятнадцати. В темноте я тайком пошла за ним и сама себе показалась при этом ужасно глупой. Но мне очень хотелось знать, что он делал один на лугу, поэтому я спряталась за деревом возле загона и наблюдала, как он запрыгнул на Кингстона. Я уж было подумала, что он упадет, ведь конь никому не давал оседлать его, только мне. Но когда я увидела, как он скачет, то впервые подумала, что в итоге все могло бы закончиться хорошо. Однако вскоре от этой мысли снова не осталось и следа.

Ханс

Примерно через месяц после начала учебы я проходил через холл при входе в клуб Питта и надеялся, что там никто не узнает, кто я и почему пришел сюда.

В Интернете я прочитал, будто принц Чарльз сказал однажды, что клуб Питта за одну ночь дал ему больше, чем три года учебы в Тринити-колледже. Но принц мне был неинтересен.

Во время этого первого визита в клуб я попытался запомнить все. Прожжённые участки на ковре, лица, вид черепа антилопы гну на стене. По углам стояли вазы с огромными белыми лилиями. В начале недели я обнаружил в своем почтовом ящике приглашение. Я подумал о блондинке, которая сказала, что поможет мне. Возможно, что ее тоже пригласили. Она казалась мне немного странной, но я надеялся, что она придет. Это была первая вечеринка в моей жизни, и было что-то фальшивое в том, что я попал сюда не по своей воле, а потому что какая-то чужая женщина без имени обеспечила мне приглашение. Я только с шестой попытки смог завязать себе галстук.

Позади меня стоял молодой человек с округлой спиной и симпатичным лицом, который мягкими движения подталкивал меня в сторону бара. Это был Билли, студент факультета машиностроения, с растрепанными волосами и небольшим животиком. Он был пьян, от него пахло потом, и вообще, он производил впечатление немного опустившегося человека. Три недели назад я встретил его на тренировке и кивнул в знак приветствия. После тренировки он ждал меня у стоянки велосипедов.

– Привет, я Билли.

– Привет.

Мы молча проехали часть пути на велосипедах, и я был рад, что кто-то едет со мной рядом.

Пару дней спустя я получил по электронной почте письмо, в котором Билли интересовался, не соглашусь ли я на дополнительные занятия, чтобы закрепить результаты основных тренировок. Мы встретились пару раз: в первый раз мы проплыли в холодной воде реки Кам, а во второй – пробежались по лесу. Билли валялся в грязи и говорил, что стал единым целым со стихиями. После этого он грязными руками достал из рюкзака термос, и мы выпили чай с молоком. Я заметил, как он краем глаза наблюдал за мной. Билли поговорил немного о том, как пахнет мокрая земля, а затем сказал, что всегда чувствует себя так одиноко, находясь среди боксеров. Я молча стоял рядом – я еще никогда не говорил о том, как одиноко мне. Билли чокнулся со мной пластиковым стаканчиком с чаем. Я подал ему руку. Возможно, это выгля-

дело слишком формально, но я чувствовал, что так было правильно. Мы ощущали грязь на наших руках, и я думал о том, что вместе мы чувствовали себя лучше, чем поодиночке.

Бар был такой чистый, что даже блестел. Лысый официант поставил два стакана с розовой жидкостью, которые никто не заказывал, на барную стойку. «Это напиток Питта», – сказал Билли и выпил до дна свою порцию. Я сделал один глоток, жидкость была похожа на водку и лимонад. Билли прислонился спиной к барной стойке и несколько минут молча наблюдал за тремя громкоголосыми мужчинами, обладателями мускулистых, сильных тел натренированных боксеров, в светлых блейзерах с эмблемами в виде красного льва. Не глядя на меня, Билли сказал, что такой голубой блейзер получают в случае победы над Оксфордом.

– Богатые обезьяны. – Он взял следующий стакан. – А остальные стоят снаружи и жаждут принадлежать к этой элите. В Кембридже есть только два типа людей: одни до абсурда богаты, а другие пытаются казаться богаче, чем они есть на самом деле. Иногда мне кажется, что только я один здесь нормальный, – сказал он.

Одного из мужчин в голубом блейзере я уже видел на тренировке. Он был высокого роста, худой, со светлыми волосами, чем-то немного похож на сёрфингиста.

– А кто этот сёрфингист? – спросил я.

– Высокий? Этому никогда бы не пришло в голову заниматься сёрфингом.

Я кивнул.

– Это худший сноб из всех, кого я знаю. Его зовут Джош.

– Джош, а дальше?

– Джош, мать его, Леван.

– Он явно не твой друг, не так ли?

Билли засмеялся и сделал большой глоток:

– Я могу кое-что рассказать тебе про этого шутника. Эту историю все здесь знают. Однажды он вместе с двумя своими друзьями – кажется, из Харроу – присутствовал в лондонском отеле *The Goring* в то время, как там подавали послеобеденный чай.

– Где?

– В отеле *The Goring*. Супердорогой отель. За 55 фунтов ты получаешь пшеничную или ячменную лепешку и огуречные сэндвичи, сколько хочешь. За 200 фунтов ты можешь выпить *Pol* столько, сколько твоей душе угодно.

– *Pol*?

– Это шампанское, Ханс, *Pol Roger*.

У меня загорелись уши. Я чувствовал себя не в своей тарелке.

Билли мягко ударил меня кулаком в лоб и продолжил рассказ:

– Кстати, неплохой гешефт⁴ для отеля, потому что туристы из Азии, например, в состоянии выпить только половину бокала шампанского, а саудиты вообще не пьют алкоголь, но вот шампанское заказывают. Так вот, Джош заказал сразу несколько бутылок. Это смутило официанта, но Джош достал упаковку двадцатифунтовых купюр и сунул ее молодому человеку в карман пиджака, предназначенный для платочка. В конце вечера парни тайком вылили пару бутылок в вазу с подсолнухами. Когда официант принес счет, Джош направился к одной из тележек с десертами. Там сидела пара, которая как раз праздновала десятую годовщину свадьбы. Так вот, Джош расстегнул ширинку, положил свой член прямо на торт «Опера», покрытый белым шоколадом, и произнес: «Я хотел бы заплатить».

– Ого, – сказал я.

Билли не засмеялся, он медленно покачал головой:

– Видимо, у него огромный пенис.

⁴ *Geschäft* – «бизнес» (нем.).

– Откуда ты обо всем этом знаешь? – спросил я.

– Без понятия. Да эту историю уже все знают.

– А, понятно.

– Есть еще одна история. Про его отца есть статья в Википедии, в которой говорится, что он владеет островом Гора Михаэля и что он якобы поддерживает организацию-преемника чертовых чернорубашечников.

– Ты загуслил его?

Билли посмотрел на меня так, словно этот вопрос был неприятен для него.

Я не знал, кто такие чернорубашечники.

Диджей включил музыку, и басы ударили с такой силой по всему дому, что из трещин в покрытии потолка посыпалась пыль. Открылась дверь, и в клуб зашли первые девушки. Темой вечеринки в приглашении значилось слово «Бог». Тела трех блондинок были обсыпаны золотой пылью, а за плечами у них были прикреплены ангельские крылышки. Еще одна девушка была в белом, полупрозрачном шелковом одеянии, с цветами в волосах. Она направилась прямо ко мне.

– Привет, – сказала она.

– Привет.

– Мы знакомы? – спросил Билли.

Она проигнорировала его.

– Тебе нравится мой костюм? – спросила девушка и подошла еще ближе.

– Эээ... да, он хорош.

Она постучала пальцами по своему подбородку:

– Я Фавн.

Ее зрачки были величиной с пару леденцов.

– А это кто? – спросила она, указав пальцем на Билли.

– Это...

– Я – противоположность Фавна, – сказал Билли.

– Ты состоишь в этом клубе? – спросила меня девушка, не обращая больше никакого внимания на Билли.

Я покачал головой, давая понять, что не являюсь членом клуба.

– А что это за русская цепочка? – спросила она.

Кончики ее пальцев коснулись цепочки из красного золота на моей шее – она немного сдвинулась под моим воротником.

– Это подарок, – сказал я и пожалел, что не снял ее перед тем, как прийти сюда.

Через час в клубе было уже столько народу, что мне, чтобы продвигаться вперед, нужно было отодвигать людей в сторону. Женщин было раза в три раза больше, чем мужчин.

Один из ангелов и индийский бог Ганеша потянули меня за руки на танцпол. Ангел сказала:

– По-любому препати лучше, чем сама вечеринка.

Я никогда не понимал танцы. Я не знал, куда деть свои руки. Но на танцполе было так много народу, что я ощущал себя частью этой массы и двигался так же, как все. Какая-то девушка случайно ударила меня локтем в висок, другая прорычала что-то мне в ухо. Еще одна изобразила нацистское приветствие. От кого-то пахло жареной рыбой.

В интернате, когда другие парни по выходным ездили на дискотеку в соседнюю деревню, я всегда оставался в школе. Они еще говорили всегда, что собираются в клуб, но это, конечно, было совсем не то, что здесь.

– Крутая вечеринка, – прокричала одна девушка.

– Точно, – так же громко ответил я.

– Ремикс просто супер! – прокричала она.

– Просто мега! – крикнул я в ответ.

Она достала из кармана пакетик с белыми таблетками и потрясла им у меня перед лицом. На таблетках был проштампован символ бесконечности.

– Я уже, – прокричал я.

– Я тебя откуда-то знаю. Мы не встречались на лекции по Фейербаху? – крикнула она.

Двое мужчин на своих плечах внесли в помещение карлика. Я посмотрел в его глаза – там была пустота. В какой-то момент мужчины начали носить его по танцполу на вытянутых руках. Он то и дело падал на пол. Я наблюдал, как с потолка капал конденсированный пот. Какой-то мужчина прикладывал разным девушкам ко рту бутылку «Абсолюта», они все пили водку и при этом смотрели на него. Музыка была слишком громкой. Я вздрогнул от испуга, когда кто-то потянул меня за рукав.

– Там бьют Билли, – прокричала какая-то девушка.

Я проследовал за ней во внутренний двор и увидел, что несколько мужчин образовали круг, в центре которого находился Билли. Он был настолько пьян, что едва стоял на ногах. Напротив него я увидел рослого, широкоплечего парня в светло-голубом блейзере. Я вспомнил своего отца и протиснулся в круг.

– Выйди из круга, малой, – сказал парень.

– Ханс, – произнес Билли. Из носа у него текла кровь, а над глазом у него был порез.

Я принял исходную для бокса позицию, подняв кулаки перед собой. Водка пульсировала в моей голове. Я был рад, что ушел с танцпола. И тут парень нанес мне левый боковой удар. Без предупреждения.

Задолго до этого вечера, на одном из моих первых занятий боксом, я научился одной важной вещи: больно бывает не от удара, ведь кости черепа достаточно крепкие, а от унижения. А так как я был невысокого роста и от меня никто не ожидал того, что я смогу уложить стокилограммового мужчину в светло-голубом блейзере, мое положение было выигрышным. Сложно боксировать хорошо, когда ты боишься.

Весь вечер я делал вид, что это нормально, когда молодые люди носят светло-голубые блейзеры, а девушки обсыпают себя золотой пылью. С самого приезда в Кембридж я каждый день думал об этом клубе, на заднем дворе которого я сейчас находился. Я размышлял над тем, что имела в виду Алекс, когда сказала, что я должен раскрыть преступление. Она дала мне роль, которая никак мне не подходила. Я должен был играть своего рода шпиона, быть мужественным. Но я не умел притворяться, да и возможности проявить свое мужество у меня не было. Я, собственно говоря, был уверен, что являюсь трусом. А так как меня все это порядком нервировало, я очень обрадовался, когда очутился перед мужчиной, который хотел меня ударить. Это был мой шанс, так как все члены клуба были здесь.

Несколько недель спустя кто-то сказал мне, что это выглядело так, словно я танцевал. Я не ответил на удар парня. Проскользнул под его правой рукой и взял в захват. Его дыхание вызывало у меня отвращение. Парень оттолкнул меня в сторону и опустил кулаки.

– Ты кто? – спросил он.

– Ханс.

– Если я еще раз увижу здесь твоего друга-педика, то размажу его по стене, понял?

Через пару минут внутренний двор опустел. Билли опустился на одно колено и наблюдал за тем, как кровь, капавшая из его носа, образовывала возле его ног небольшую лужицу.

– Пожалуйста... давай поедem в больницу, – произнес он.

Медсестра попросила документы, а так как у Билли ничего с собой не было, я дал ей свое немецкое удостоверение личности в качестве гарантии того, что счет из больницы будет оплачен. На удостоверении стояло мое настоящее имя. Вероятно, я был наихудшим тайным детективом, который когда-либо пытался раскрыть преступление. Я надеялся, что Билли не увидит моего имени в удостоверении, и дал себе слово в будущем действовать более осторожно.

Врач зашил рану на лице Билли. Он сказал, что нос у него не сломан и что в его крови обнаружили 2,1 промилле алкоголя.

Мимо процедурного кабинета прошел, прихрамывая, тот самый карлик из клуба Питта, которого носили на руках по танцполу. Его правая рука висела на специальной медицинской петле. Он посмотрел на меня.

– В конце они играли мной в боулинг, – сказал парень. Он полез в карман своей куртки, достал сложенную вдвое визитку и протянул ее мне: – На тот случай, если вы снова будете устраивать вечеринку. Там еще много гребаных карликов.

Он поднял здоровую руку, чтобы попрощаться со мной. Мне стало стыдно.

Я помог Билли дойти до такси, проехал с ним в его колледж и остался с ним. Врач предупредил меня, что так как Билли был очень пьян, то существовала опасность, что он может захлебнуться собственной кровью. Перед тем как уснуть, Билли поблагодарил меня. Он посмотрел на меня сквозь свои опухшие веки и произнес фразу, которую я не до конца понял. Мне показалось, что он сказал слово «правда».

Солнце поднялось над башенками колледжа. Я посмотрел на свет и достал из кармана пиджака свой студенческий билет. Там была моя фотография, наверху была надпись «Университет Кембриджа», а рядом стояло мое новое имя – «Ханс Штихлер».

Джон

Неважно, что ты делаешь на самом деле, когда истории, которые люди рассказывают о тебе, и так достаточно хороши. Одна только история из *The Goring* чего стоит. Наверное, мне нужно было пожалеть официанта, ведь мы должны быть добры к окружающим. А с другой стороны, к черту. Конечно же есть пара историй, о которых знают немногие, и поэтому только эти немногие и могут их рассказывать. Иногда это лучшие истории.

Или взять, например, историю не супер, но тоже интересную. Мне всегда ставили капельницы от похмелья, и после вечеринок утром я всегда выпивал пол-литра кокосовой воды, потому что в ней много минералов и микроэлементов. Собственно, так делал каждый в университете, у кого не было противопоказаний.

Я смотрел на иглу в моей руке и на трубку, висевшую над ней. Наблюдал за тем, как одна за другой падали капли, и представлял себе, как раствор электролита смешивается с моей кровью и нейтрализует алкоголь. Когда я видел эту иглу, мне каждый раз хотелось быстро согнуть руку и посмотреть, выйдет ли тогда игла с другой стороны, под локтем.

Вчера вечером, после того как Пауль избил гомика – столько крови было! – он предложил, чтобы каждый выпил хотя бы по бутылке джина. Эта идея показалась мне крутой.

Студентка медицинского факультета, которая была влюблена в меня и каждый раз держала раствор электролита над моей рукой, знала, что из-за этого может потерять учебу. У нее все было в порядке, ей не нужно было этого делать, и если она иногда о чем-то спрашивала, то ей действительно было важно знать, что я на это отвечу. Я раздумывал, не перепихнуться ли с ней. Когда она смотрела на меня сверху, она всегда была чем-то похожа на Сашу Грей.

– Когда ты отвезешь меня в свой замок? – спросила она.

– Сегодня плохая погода.

Киски всегда хотят в замок.

Мы уже давно не живем на Горе Михаэля, пару поколений точно. Из-за слишком большого количества туристов. Дом, в котором я вырос, находился в скалах Корнуолла. Выкрашенный в такой матово-желтый цвет в красках *Farrow&Ball*. В каталоге этот желтый был обозначен как «Бледная собака». Дом с видом на море и длинными лестницами перед входом. Летом я тренировался там как ненормальный. Теперь на моих предплечьях появились вены, выделяющиеся на коже.

Когда я после каникул вернулся в университет, я весил 76 кило. Другие боксеры сильно поправились, после получасовой разминки некоторые из них уже прыгали в луже собственного пота.

Летом я каждое утро целый час бегал в скалах. Затем я выпивал стакан кокосовой воды и съедал шесть брикетов из дикорастущих водорослей прямо из озера Кламат, чтобы держать в равновесии содержание витамина В₁₂. На завтрак я съедал пудинг с семенами чиа, которые выкладывал накануне вечером и которые были очень полезны из-за Омега-3 жирных кислот. Потом я садился у кровати своей бабушки и читал ей вслух «Чумазого брата черта» Братьев Гримм. Моей бабушке было 88 лет, и она, бедная, страдала от деменции. И что же это за сучья болезнь такая – деменция? Бабушку мне было действительно жалко. И маму мне было жалко, и даже папу мне было жалко. Все было настолько плохо, что мы все надеялись, что бабушка вскоре умрет. Ну или почти все, потому что мне кажется, что бабушка-то как раз так не думала. Ее мозг был просто уже не в состоянии думать вообще.

Иногда, когда я делал перерыв, бабушка хватала меня за руку и говорила: «Папа, пожалуйста, можно еще одну сказку, я хочу еще раз послушать „Чумазого брата черта“». Она и вправду называла меня папой. Она хотела, чтобы я снова и снова читал ей эту сказку.

Иногда перед вторым завтраком (чаще всего это была семга на пару, с брокколи или чем-то другим; в любом случае, все должно было быть низкокалорийным) я уже слегка выл от усталости. Но конечно же я знал, что читать вслух было моей обязанностью, потому что человеческие связи – это самое важное из того, что у нас есть.

После обеда я шел в гимнастический зал в ближайшем поселении и боксировал там, отрабатывая удары на мешке с песком. Этим летом я в основном работал над левым хуком. У меня не было особого таланта, но я знал, что боксировать можно и без него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.